

Глава 3

«Припереться в университет в таком виде — разве это не очевидно? Придурок».

Кан И Бон едва успел подавить резкие слова, уже готовые сорваться с губ. Бросив недовольный взгляд на Ли Сыngu, он снова тяжело вздохнул.

Оттолкнув стоявшего слишком близко Сыngu, И Бон отвернулся.

— Я зайду первым.

Он осторожно просунул в приоткрытую дверь лишь верхнюю часть туловища. Возможно, будет лучше разобраться со всем этим раз и навсегда.

В самом дальнем углу аудитории тот парень сидел абсолютно один.

Вокруг него не было ни души, словно там возвели невидимые баррикады, превратив его в изолированный остров.

Он расслабленно откинулся на спинку стула, и из-за этой надменной позы походил скорее на бандита, поджидающего должника, чем на обычного студента.

«Он правда первокурсник? Да еще и на факультете психологии...»

Куда реалистичнее было бы назвать это «Факультетом психологической войны».

С нервно бегающим взглядом И Бону ничего не оставалось, кроме как войти внутрь.

Этот мужчина знал его... знал, что он гей. Опасное присутствие без спроса вторглось в некогда мирную повседневную жизнь И Бона, угрожая разрушить её до основания.

Сжав кулаки по швам, он шагнул вперед.

Пока И Бон шел к своему месту, мужчина пристально наблюдал за ним, прямо как тогда в переулке.

И Бон остановился рядом с ним.

Казалось, в этот миг всё живое в аудитории затаило дыхание.

Визг отодвигаемого стула разнесся неестественно громко. Когда И Бон сел прямо рядом с ним, мужчина удивленно вскинул брови.

Вблизи и при ярком свете его габариты казались еще более внушительными. Ключицы, видневшиеся в вырезе расстегнутой на две пуговицы рубашки, были массивными, а грудь явно состояла из одних литых мышц без единого намека на жир.

— ...Здравствуйте.

И Бон произнес это как можно тише, опасаясь, что кто-нибудь услышит, но в аудитории стояла такая гробовая тишина, что казалось, будто его слова услышали абсолютно все.

Единственным утешением было то, что поблизости больше никто не сидел.

— Не ожидал, что ты заговоришь со мной первым.

Мужчина наклонился к И Бону, подперев подбородок рукой. В его пронзительном взгляде, казалось, промелькнула искра интереса.

И Бон потер заднюю часть шеи, тяжело сглотнув, а затем, прикрыв губы ладонью, ответил:

— ...Простите за тот день.

Извинения были лишь первым шагом. Человек, сидевший перед ним, выглядел так, будто общался с людьми исключительно на языке кулаков — как на него ни посмотри, хоть вверх ногами, хоть задом наперед.

Несмотря на извинения И Бона, мужчина лишь молча смотрел на него. Его взгляд, приправленный легкой насмешкой, словно говорил: «Давай, продолжай».

— Ну... как вы сами понимаете, я тогда был не в своем уме. Так что это...

«Забудете, что я гей? Никому не расскажете о том дне?»

Какие подобрать слова, чтобы этот парень согласился?

Пока он мысленно перебирал варианты, в аудиторию вошел профессор.

Мужчину это ничуть не смутило. Он продолжал сверлить И Бона взглядом, а затем спросил:

— Как тебя зовут?

И Бон никак не ожидал такого вопроса.

Он вздрогнул, отвернулся и пробормотал в ответ:

— А вам обязательно знать мое имя?..

Мужчина с длинным шрамом на брови нахмурился и окинул И Бона оценивающим взглядом с ног до головы.

И Бон нутром чуял, что если назовет свое имя прямо сейчас, то, возможно, спасет себе жизнь в эту самую секунду. Но в долгосрочной перспективе было бы куда лучше, если бы этот человек его не знал.

У него и так было слишком много козырей против И Бона, чтобы так легко делиться еще и личной информацией.

Пока И Бон то с опаской поглядывал на мужчину, то снова опускал глаза, профессор, глядя на кафедру, объявил, что сейчас проведет переключку.

Сердце И Бона ушло в пятки. Он совершенно упустил из виду тот факт, что находится на занятии.

— Кан И Бон.

И Бон промолчал, с встревоженным лицом глядя только на профессора. Его щеки обдало жаром.

— Кан И Бон?

И Бон смотрел на преподавателя с дрожащими зрачками и поднял руку лишь тогда, когда тот пробормотал: «Нет на месте?». Его фамилия была «Кан», поэтому в алфавитном списке она шла перед «Ким».

— Кан И Бон здесь.

Профессор с густыми бровями и маленькими глазками бросил взгляд на сидящего на заднем ряду И Бона и прищурился. В его взгляде читалось недовольство, словно он отчитывал студента за невнимательность с самого первого дня.

Глаза И Бона всё еще подрагивали, но вовсе не потому, что профессор взял его на карандаш.

— Кан... И Бон. Кан И Бон.

Голос, смакующий его имя, звучал так, словно кто-то зачитывал расстрельный список. И Бон совершенно не мог заставить себя посмотреть в сторону соседа.

Мужчина пробормотал имя И Бона еще несколько раз, прежде чем тихо протянуть:

— Ничего себе. Значит, у тебя и имя такое же миленькое?

«Ничего себе...»

И Бон живо представил, как его закатывают в бочку с цементом и сбрасывают на дно морское.

В конце концов, так и не набравшись смелости посмотреть на него в открытую, И Бон низко опустил голову и пробормотал:

— ...Мне правда очень жаль.

Он не стал умолять о пощаде. В фильмах, когда кто-то молит о сохранении жизни, обычно он её лишается.

— Здесь не о чем жалеть.

Мужчина бросил эту фразу — то ли всерьез, то ли просто из вежливости, поскольку они находились в аудитории, — а затем отвернулся.

Только тогда И Бон решился покоситься на сидящего рядом.

У мужчины оказалось на удивление привлекательное лицо. Правда, И Бон всё равно продолжал бросать на него лишь опасливые взгляды, переживая, как бы его не закопали заживо.

— Чха Хёк.

Мужчина лениво приподнял руку. Профессор, увидев Чха Хёка, на мгновение нервно моргнул, прежде чем назвать следующее имя.

«Чха Хёк...»

Пробормотал И Бон про себя, уткнувшись лицом в свой рюкзак.

Это имя почему-то невероятно подходило мужчине. Как и его внешность, оно звучало властно и сильно. И Бон никогда не верил в суеверия, что человек формируется под влиянием своего имени, но к этому человеку оно определенно подходило как влитое.

Сразу после переключки профессор вывел на экран учебный план.

В итоге лектор вещал полтора часа, из которых восемьдесят процентов времени заняла пустая болтовня, и лишь двадцать — вводная информация по предмету, после чего завершил занятие.

Примерно через час Ли Сынгю прислал сообщение в КакаоTalk, написав, что больше не может ждать и пойдет поест первым.

Даже после окончания лекции И Бон продолжал коситься на Чха Хёка, который всё еще не вставал со своего места. Возможно, именно из-за него все студенты поспешили покинуть аудиторию исключительно через переднюю дверь.

И Бон оглядел опустевший кабинет. Коридор тоже казался безлюдным.

— Эм...

Чха Хёк, до этого откинувшийся на спинку стула, слегка повернул голову. Его губы изогнулись в загадочной усмешке.

— Как вы понимаете, аджосси.

Хотя улыбка Чха Хёка слегка померкла, И Бон, опустивший глаза, этого не заметил и продолжил говорить:

— Мне правда очень жаль за тот день. Вы, наверное, и сами поняли, но я тогда был сам не свой...

«К тому же я был немного пьян, поэтому соображал туго».

— Так что... не будет ли лучше для нас обоих просто спокойно учиться, делая вид, что ничего не было?..

И Бон говорил максимально осторожно, наконец-то слегка подняв взгляд на Чха Хёка.

На лице того застыло неоднозначное выражение: казалось, он то ли улыбался, то ли хмурился.

В его темных глазах мелькнул едва уловимый блеск.

— У тебя сейчас есть пара?

— ...Зачем вы спрашиваете?

— Если нет, давай пообедаем вместе. У меня нет друзей.

Сказав это, мужчина широко улыбнулся. Большие глаза И Бона на мгновение замерли на его лице, прежде чем он ответил:

— ...Но я вам тоже не друг, аджосси.

В сентябре, когда летняя жара еще не успела спасть, И Бон расфокусированным взглядом смотрел на сидящего напротив Чха Хёка.

Тот зачерпнул огромную ложку дымящегося супа со свиной; из-за обилия добавленных специй красный бульон было не отличить от ядреной похлебки для снятия похмелья.

И Бон совершенно не хотел сюда идти, но не мог пойти наперекор Чха Хёку.

Тот был явно пугающим бандитом, а главное — он знал секрет, который И Бон тщательно скрывал и не собирался раскрывать до конца своих дней.

«Предложил поесть, а сам притащил в такую-то жару на суп со свиной?»

И Бон просто ковырялся ложкой в стоявшем перед ним молочно-белом бульоне. Рис рядом с глиняным горшочком так и остался нетронутым.

Кому вообще придет в голову хлебать суп в такой жаркий день, да еще и до краев набитый свиными потрохами? Это было откровенно мерзко.

— Тебе не нравится?

И Бон перестал бесцельно помешивать варево и слегка поднял глаза.

В горле застрял ком невысказанных слов, но рот отказывался открываться. Он лишь плотнее сжал губы.

В ресторане даже кондиционер толком не работал, и на висках И Бона уже выступили бисеринки пота.

Не дождавшись ответа, Чха Хёк пристально посмотрел на него, а затем громко постучал пальцами по столу прямо перед его горшочком.

— Эй, пацан, ты не хочешь есть?

В обычной ситуации И Бон заставил бы себя поесть, просто чтобы избежать ненужных конфликтов с собеседником.

Но то ли из-за того, что этот парень знал его самую страшную тайну, то ли сама ситуация его так напрягала, И Бон просто не мог подавить в себе колючее чувство раздражения.

— ...Я такое не ем.

Произнеся это, И Бон покосился на Чха Хёка.

Вопреки ожиданиям услышать саркастичное замечание в духе: «Так чего же ты раньше молчал?», Чха Хёк лишь легко кивнул, словно в этом не было ничего особенного.

Честно говоря, И Бон ожидал, что тот начнет материться. Учитывая одну только его бандитскую внешность, это было весьма вероятно.

— Ладно. Тогда пошли отсюда. Жарко.

Из-за такой ровной, безэмоциональной реакции И Бон никак не мог понять, что же за характер был у Чха Хёка. Его взгляд невольно последовал за мужчиной.

Чха Хёк как ни в чем не бывало оплатил счет и, встав у двери, дернул подбородком, указывая на выход.

И Бон нехотя подхватил рюкзак с соседнего стула и вышел из ресторана.

Погода стояла такая ясная, что на небе не виднелось ни единого облачка, но сегодня И Бону она не казалась такой уж приятной.

И Бон плелся позади Чха Хёка, держась на безопасном расстоянии.

«Может, мне просто сбежать?»

Эта мысль промелькнула у него в голове, но, глядя на эти широкие плечи и длинные ноги, он понимал, что его поймают в два счета. К тому же он так и не получил ответа на свою просьбу.

Но и ходить хвостиком за Чха Хёком целую вечность он тоже не мог.

Более того, он пропустил завтрак, а сейчас дело близилось к двум часам дня, и во рту у него с самого утра не было ни крошки, кроме воды.

И Бон уставился в спину, обтянутую черной рубашкой, и наконец открыл рот.

— ...Аджосси.

— Чего.

— Так вы... сохраните в тайне то, что произошло в пятницу, верно?

Чха Хёк остановился и обернулся вполборота.

— Выпечку любишь?

— Что?

Какого черта он снова переводит тему? И Бон нахмурился и проследил за взглядом Чха Хёка.

На другой стороне улицы располагалось десертное кафе неподалеку от кампуса — то самое, которое И Бон обожал, но не мог позволить себе заходить туда часто.

Зрачки И Бона сильно задрожали. Он вспомнил, как один однокурсник рассказывал, какой же там потрясающе вкусный шоколадный торт с фундуком.

Не в силах оторвать взгляд от милого фасада здания, И Бон сглотнул слюну и прошептал в ответ:

— ...Люблю.

Чха Хёк посмотрел сверху вниз на И Бона, который глаз не мог отвести от кафе, и усмехнулся одним уголком губ. Он кивнул подбородком в сторону заведения.

— Тогда пошли. Я угощаю.

На мгновение позабыв о своем раздражении, И Бон поспешил вслед за шагающим впереди Чха Хёком.

Переводчик и редактор: □□ □□

<http://bllate.org/book/14733/1639206>